

Культурный опыт в феноменологии К. Ставенхагена

Пүрэвсүрэн Бямбахишиг – доктор философии PhD, профессор, директор Института философии. Академия наук Монголии. Улан-Батор, Монголия.

E-mail: purevsuren.b@mas.ac.mn

Евгения Константиновна Беликова – кандидат культурологии, доцент кафедры английского языка факультета вычислительной математики и кибернетики. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, Россия.

E-mail: jbelikova@list.ru

Аннотация. В статье акцент сделан на рассмотрении культурного опыта в феноменологии немецкого мыслителя Курта Ставенхагена (1884-1951). Дается оценка соотношению явленности и не-явленности вещей посредством их трансцендирования через природу и логос в сравнении с культурным опытом. Установлено, что категория культурного опыта в сопоставлении с эстетическим опытом дает представление о направленности трансцендирования вещей, а также становится дополнительным источником трансценденции. В подходе Ставенхагена выделяется характеристика культурного опыта как феноменологический ракурс схватывания вещей. При этом ключевой проблемой исследования является недостаточная полнота представлений о том, какое место отдано культурному опыту в трансцендировании вещей. Отчасти концепция Ставенхагена этот пробел восполняет.

Ключевые слова: Ставенхаген, феноменология, культурный опыт, трансцендирование, эстетический опыт.

Введение

ОЦЕНКИ развития культуры нуждаются в ее соотнесении с явленностью вещей, с сущностью сущностей. Очевидно, что для этого имеются веские причины: культура отражает смыслы человеческого бытия, но и сама их формирует и посредством символического обмена встраивает в социальную реальность. Формируется соответствующий культурный опыт как самодостаточная величина, безотносительная по отношению к субъекту, носителю культуры. Иными словами: культура как данность схватывает бытие, окружает субъекта, устанавливает приоритеты ценностного мира человека. Феноменологический ракурс такого подхода дает представление именно о том, как устанавливается соотношение опытного и сущностного применительно к данности культуры.

В феноменологии, как ее представлял Э. Гуссерль, схватывание вещей может быть опосредовано интенциональным опытом, – такой опыт не приобретается каким-либо специальным образом, он есть как вненаходимость, как трансценденция. Тот посыл, который был предложен Францем Brentano, считающимся учителем Гуссерля, связан не просто с интенцией и интенциональностью как способом проникновения в сущность вещей, но и с их явленностью. Стоит подчеркнуть, что явленность вещей может предстать в логосе, но также и в окружающей реальности – если есть способ схватить таковую всеми возможными методами. Но следует признать, что их не так уж много, если они вообще имеются. В таком случае необходимо развернуть феноменологию культурного опыта, отражающего грани явленности/не-явленности вещей. Речь не идет о трансцендировании культурного опыта, а скорее о его значении для смыслообразования и символического обмена.

В целом у феноменологов находятся убедительные примеры, как возможно представить явленность/не-явленность вещей. Пожалуй, наиболее популярен кусок мрамора, который обыгрывается Р. Ингарденом как пример преломления явленности вещей в некоем атрибуте, то ускользающем от понимания, то поддающимся осмыслению:

Когда мы, скажем, наблюдаем кусок мрамора <...> и восхищаемся своеобразным очарованием его форм, может случиться, что мы во время этого наблюдения поддаемся иллюзии, что в действительности в зале Лувра этого куска мрамора нет или что он стал совершенно иным, чем это казалось нам в процессе наблюдения. Все это не внесло бы никаких изменений ни в состояние нашего восхищения, ни также в то, что нам было дано как его объект. Реальность объекта не является поэтому необходимой для процесса эстетического переживания. И не она является причиной того, что в эстетическом переживании нам что-то нравится или не нравится (Ингарден 1962: 116).

Здесь Ингарден ведет речь о явленности вещей в эстетическом переживании – закономерно, что для такого типа переживания возникает редуктор «нравится/не нравится» с гедонистическим уклоном, но не он, конечно, запечатлевает мир вещей – из предметного мира кусок мрамора запросто перемещается в иллюзорность, чувственность и интенциональность. В таком случае важно трансцендирование – схватывание.

Между тем культурный опыт может стать частью трансцендирования. Да, он может быть достаточно грубым, не чувствительным, относительным, имеющим завершенность, многослойность и к тому же «приписанным» к многочисленным универсалиям человеческого бытия, но тем не менее он помогает понять, где пролегает граница между явленностью и не-явленностью вещей. На этот момент обращает внимание Курт Ставенхаген (1884-1951), немецкий феноменолог, разделяющий взгляды Гуссерля на предмет проникновения опыта в процесс схватывания вещей. И не только эстетического опыта, о котором написано много у феноменологов, но и опыта культурного.

Проблема исследования заключается в том, что культурный опыт «проигрывает» в схватывании бытия перед Природой, Богом, Космосом, Вселенной, Логосом из-за своей сделанности, производности, накопленности, подверженности влиянию со стороны разных форм и сил реальности. В конечном итоге культурный опыт недооценен исследователями, нередко в русле феноменологической рефлексии уступает место эстетическому опыту, чувственному переживанию бытия. Однако он пронизывает мир и поэтому является частью трансцендирования. Обращение к этой стороне культурного опыта

порождает необходимость изучения его сопряженности с некоторыми другими феноменами. Курт Ставенхаген рассуждал над этими вопросами, они интересуют и нас.

Культурный опыт: от не-явленности вещей

Курт Ставенхаген в 1925 году выпустил свой трактат «Абсолютные мнения» («Absolute Stellungnahmen...»), в котором представил рассуждения по поводу явленности вещей и ее соотнесенности с переживающим бытие субъектом (Stavenhagen 1979: 47). Приближение к культурному опыту, а не только эстетическому, безусловно значимому для Ставенхагена в качестве объекта исследования, начинается едва ли не с первых страниц, но он постоянно возвращается к эстетическому – его инерция вполне закономерна: ключевой, а не проходной проблематикой для феноменологов становится именно эстетический опыт. Вместе с тем мыслитель признает, что трансцендирование хотя и происходит без участия субъекта или может проходить без него, все же его восприятие и рецепция возможны через культурный опыт. Сравним два суждения Ставенхагена:

(1) Мир – в эстетическом и через него; уловить и сохранить, чтобы каждый раз не начинать переживание снова. Но за всем этим угадывается кто-то, кто пропускает через себя переживание, и мы до конца так и не можем узнать, что же собой это эстетическое представляло. Вероятно, нужен способ многократного воспроизведения, чтобы не только не утратить, но и познать... (Stavenhagen 1979: 29)

(2) В эстетическом нет иллюзии не-явленного, здесь разворачивается любая форма бытия, любой акт творения, сам творец. Но все же есть и иная сторона не-явленного – то, что окружает субъекта, то, что дает возможность познать на уровне ценностного определения. И такое познание исходит не как данность в отличие от эстетического, а как усмотренное, в которое требуется проникнуть и подчинить себе... (Stavenhagen 1979: 36).

Как видим, Ставенхаген осторожно, но высказывает подозрение относительно того, что не только эстетически происходят схватывание вещей и их явленность миру, но и иными способами, например, «на уровне ценностного определения», что явно указывает на путь культуры или культурный опыт.

Исследователь творчества Ставенхагена Фрэнсис Дэнлоп полагает, что переключка эстетического и культурного – первого как чувственного и явленного и второго – как не-явленного, но «ценностного», резонно заставляет Ставенхагена сосредоточиться не на явленности вещей абсолютной, как данности, как априорности, как следствия трансцендирования, а скорее допускать относительность такой сопряженности (Dunlop 1981: 99).

Итак, забрезжил культурный опыт в конце туннеля трансцендирования. Робко забрезжил, но в то же время более-менее четко выстраиваются параллели: эстетический опыт – культурный опыт, *явленность* вещей – *не-явленность* вещей и т.д. Если разворачивать тему в таком направлении, можно увидеть, насколько полно или неполно вещи схватываются посредством культурного опыта.

Как же определяет данный опыт Ставенхаген? Здесь следует все же отталкиваться от трактовки эстетического опыта, но параллели выше обозначены, поэтому следуем за ними:

Эстетическое не проникает вглубь, оно и есть самый глубокий ракурс реальности, но в то же время кто может точно знать, насколько глубоко оно схватывает вещи. Явленность вещей в эстетическом как данное не уловимо, основательно и тонко. Должно быть что-то такое, что дополняет явленность не-явленностью, однако не-явленность, хотя бы и в ценностном порядке, дает рациональный отклик, то есть каждый, кто пожелает, может увидеть невидимое, услышать неслышимое – эстетическое укроет и спрячет глубоко, в самую недостижимость, в недра, но не-явленное прольет свет, и придет понимание... (Stavenhagen 1979: 41).

То, что прольет свет на вещи и есть культурный опыт, он дает нам возможность оценивать, но и сам есть важная оценка. Конечно, для того, чтобы понять, насколько вообще возможно сопрячь эстетическое как явленное и культурное как не-явленное, а точнее культурный опыт как не-явленное, нужна верная методология. Ставенхаген интуитивно чувствует это сочленение, а мы идем за ним в этой интуиции. Однако сомнений по поводу того, что культурный опыт – часть трансцендирования, не возникает. И в этом случае методологический штрих, дающий право так считать, – это интенциональность. Обратим на нее внимание, поскольку далее понимание роли культурного опыта в схватывании вещей опирается на интенциональность. А сам

культурный опыт в трансцендировании вещей соотносится с иными явлениями, без которых оно в принципе невозможно.

Интенциональность и культурный опыт

Как считают некоторые исследователи:

...в феноменологии понятие интенциональности является одним из главных и долгое время оставалось своего рода инструментом селективности философствования: могло в равной степени как разделять философские миры, категории и понятия, так и сближать их, выделять свойства, которые объектам или атрибутам осмысления были не свойственны, но в то же время все заметнее проявлялись в них, как например, различие психических и физических феноменов <...> (Шариков 2022: 156).

Такая характеристика не дает, конечно, представления о том, как интенциональность позволяет «окрашивать» философские миры, интерпретировать их краски и созвучия. Тем не менее, мы видим, что такой подход нацелен на сближение / разделение миров, а значит, мы вполне можем допустить, что он способен помочь в осуществлении нашей задачи показать сближение / разделение культурного опыта и некоторых других явлений в трансцендировании вещей. С. Никоненко, представляя ракурс интенциональности с позиций Джона Серля, отмечает, что она понимается «как форма внутреннего опыта» (Никоненко 2017: 18). Эта точка зрения ближе и нашему подходу, тем более что он направлен именно на культурный опыт. Единственное отличие – культурный опыт из-за не-явленности вещей в состоянии их трансцендирования нельзя определять как внутренний. Скорее он внешний, но, с другой стороны, ценностно-смысловая «нагрузка» вещей определенно направляет вектор осмысления от внешнего ракурса к внутреннему. Стоит также подчеркнуть, что интенциональные исследования зависят от объектно-предметного поля, в котором работает исследователь:

Интенциональные исследования, проводимые в рамках философии искусства, во главу угла ставят определение статуса воображаемого, переживаемого, оцениваемого в искусстве с учетом индивидуальных целей субъекта <...>. В социологии искусства обнаруживается иной подход – динамика и

активность в сфере искусства оцениваются на уровне не индивидуальных предпочтений, а групповых (Попов 2022: 136).

Наше предметное поле – культурный опыт и его направленность на схватывание вещей. Следовательно, мы можем брать за основу динамику и активность исследуемого объекта, чтобы составить полное мнение о нем.

Но все же что такое культурный опыт? С точки зрения интенциональности – это *совокупность образцов, позволяющих оценить динамику/статичность окружающего мира*. Эти образцы передаются, наследуются носителями культуры, но они же и схватывают не-явленность вещей. Курт Ставенхаген предлагает установить цепочку таких передач: (1) атрибутивность вещей изолирована, значит, трансцендирование идет «от статики» (Stavenhagen 1979: 48): пример с куском мрамора (см.: Ингарден 1962) это четко иллюстрирует – подвижность и неподвижность вещей относительна – считается ли более или менее выразительным кусок мрамора из-за своей неподвижности? При этом он может оказаться и огромным, как скала, но его сила – не в массе и объеме, а трактовках относительности мира вещей через их соотносимость с данным атрибутом бытия; (2) явленность вещей не передает их смысл, а только вписывает в иные смыслы, происходят новые смыслообразования (Stavenhagen 1979: 49), которые становятся неподвижными, «приписанными» вещам, статичными – таким образом, трансцендирование «от статики» подтверждается; Ставенхаген приводит пример с тем, как смысл божественного неспособно передать ни одно явление мирового порядка: ни слово, ни энергия, ни противопоставленность неба и земли, сакрального и профанного и т.д. Но однако такой смысл способен передать Бог, его место незыблемо в трансцендировании вещей – передаче сущности сущностей; наконец, (3): мир вещей не сопротивляется трансцендированию – «вещи сплетаются в том, чтобы быть схваченными в своей явленности, но также и не-явленности» (Stavenhagen 1979: 55) – в этом и состоит динамика, но динамика не вещей, а тех смыслов, которые все же пробиваются через броню неизменяющегося смыслообразования и приобретают свою собственную смысловую окраску; так, например, Космос составляет центр трансцендирования вещей, но он не постигаем – *космичен*, однако сближаясь с природой, становится

основанием смыслообразования: космический полет, вращение планет и т.д.

Культурный опыт и Природа.

Культурный опыт и Логос

Трансцендирование вещей осуществляется Природой. Смыслы, ею порождаемые, простираются во все сферы человеческого бытия. Она всеобъемлюща в своей непроемкости, априорности, но в то же время все ее значения обыгрываются или представляются через культурный опыт. Разумеется, культурный опыт не может конкурировать с Природой, однако она транслируется через него. По мнению исследователей,

вещи растворены в природе, они схвачены там навсегда, но это совсем не значит, что и смыслы предопределены навсегда, они находят свое воплощение в культуре и соответствующем опыте»
(Oevermann, Allert et al. 1987: 112).

Можно, по-видимому, утверждать, что трансцендирование вещей Природой носит «первичный» характер, но Природа схватывает вещи так, как они «предположены субстанционально», по выражению У. Пирса и В. Кронина (Pearce, Cronen 1980: 66). Курт Ставенхаген, используя концепт культурного опыта, демонстрирует, что Природа проникает вглубь вещей, но не может их «растворить в жизни», а потому следует в таких случаях обратиться к культурному опыту, позволяющему «адаптировать их к жизни»:

Стихия природы не ошибается в мире вещей, несмотря на то что это необузданная и вечная стихия, – она одна определяет, как вещи должны быть расположены в этом мире, какие связи в них точны, а какие поверхностны, но схвачены ли так же и смыслы природой? Конечно, да, однако они могут быть не уяснены индивидом или полностью растворены в жизни. Следовательно, необходим опыт для извлечения этих смыслов, их пристройки к реальному. Разве для такого случая не подходит культурный опыт? (Stavenhagen 1979: 71).

Логос, как и Природа, трансцендирует вещи, схватывает сущность сущностей, предопределяет порядки. Собственно, по Гераклиту, Логос – λόγος и есть сущность сущностей. Как указывает С.Н. Кочеров, логос имеет множество смыслов, нередко сам Гераклит в них терялся (Кочеров 2021: 669). Ставенхаген применяет понятие логоса в двух случаях: (1) связывая его с трансцендированием вещей для «их явленности» (Stavenhagen 1979: 79); (2) прослеживая отношение с эстетическим опытом в качестве проводника смыслов (Ibid). Природа, следует полагать, является связующим звеном между этими двумя ипостасями Логоса. По мысли Михая Пештрегаша, «если логос – в эстетике, то эстетический опыт – в природе» (Păstrăguș 1991: 160). Однако логос и Природа не формируют культурный опыт, они трансцендируют мир вещей, и их трансценденции определяют направления смыслообразования: например, Логос – через слово, Природа – через стихии. Вероятно, культурный опыт – через многообразные феномены культуры, смыслы которых, как если бы их описывал К. Ставенхаген, не-явлены (или не-проявлены), что вовсе не обозначает, что они не включены в акт интенциональности или ограничены с точки зрения их предназначения в познании мира вещей.

Вывод

Феноменологический подход Курта Ставенхагена дает представление о значимости культурного опыта для трансцендирования вещей. Он не является самостоятельным в этом процессе, однако дополняет иные «алгоритмы» трансцендирования, например, Логос или Природу. В таком случае возрастает многообразие смыслов, постижение которых становится целью индивида.

Список источников

Ингарден Р. О различном познавании литературного произведения // Ингарден Р. Исследования по эстетике / пер. с польского. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. С. 114-154.

Кочеров С.Н. В поисках логоса Гераклита // Schole. Философское антиковедение и классическая традиция. 2021. Т. 15. № 2. С. 665-680. DOI: 10.25205/1995-4328-2021-15-2-668-680

Никоненко С. Интенциональность: американская точка зрения // HORIZON. Феноменологические исследования. 2017. Т. 6. № 1. С. 9-44.

Попов Е.А. Опыт интенционального и ивент-исследования в современной зарубежной социологии искусства // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 69. С. 126-141. DOI: 10.17223/1998863X/69/14

Шариков Д. Натурализация культуры: когнитивизм против прагматизма // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21. № 1. С. 153-177. DOI: 10.17323/1728-192x-2022-1-153-179

Dunlop F. Absolute Stellungnahmen: Eine Ontische Untersuchung Ueber Das Wesen Der Religion, by Kurt Stavenhagen // Journal of the British Society for Phenomenology. 1981. № 12 (1). P. 98-100.

Oevermann U., Allert T., Konau E., Krambeck J. Structures of Meaning and Objective Hermeneutics // Modern German Sociology. Ed. V. Meja, D. Misgeld. New York: Columbia University Press, 1987. 313 p.

Păstrăguș M. Aesthetic concepts of a Phenomenological Origin // Analecta Husserliana. Ed. A.-T. Tymieniecka (ANHU, vol. 37). Kluwer: Academic Publishers, 1991. P. 147-165.

Pearce W.B., Cronen V.E. Communication, Action and Meaning: The Creation of Social Realities. New York: Praeger, 1980. 222 p.

Stavenhagen K. Absolute Stellungnahmen. Eine ontologische Untersuchung über das Wesen der Religion. New York: Garland, 1979. 224 p.

Cultural experience in phenomenology Stavenhagen

Purevsuren Byambakhishig – PhD, Professor, Director of the Institute of Philosophy. The Academy of Sciences of Mongolia. Ulaanbaatar, Mongolia. E-mail: purevsuren.b@mas.ac.mn

Evgenia K. Belikova – Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the Department of English at the Faculty of Computational

Mathematics and Cybernetics. Moscow State Lomonosov University.
Moscow, Russia. E-mail: jbelikova@list.ru

Abstract. The article focuses on the consideration of cultural experience in the phenomenology of the German thinker Kurt Stavenhagen (1884-1951). An assessment is given of the correlation of the appearance and non-appearance of things through their transcendence through nature and logos in comparison with cultural experience. It is established that the category of cultural experience in comparison with aesthetic experience gives an idea of the direction of transcendence of things, and also becomes an additional source of transcendence. Stavenhagen's approach highlights the characteristic of cultural experience as a phenomenological perspective of grasping things. At the same time, the key problem of the study is the lack of completeness of ideas about the place given to cultural experience in the transcendence of things. In part, Stavenhagen's concept fills this gap.
Keywords: Stavenhagen, phenomenology, cultural experience, transcendence, aesthetic experience.

References

- Ingarden, R. (1962) On the different cognition of literary production. In: Ingarden, R. *Studies in aesthetics*. Moscow, Publishing House of Foreign Literature. P. 114-154.
- Kocherov, S.N. (2021) In search of the logos of Heraclitus. *School. Philosophical antiquity and classical tradition*. Vol. 15. No. 2. P. 665-680. DOI: 10.25205/1995-4328-2021-15-2-668-680
- Nikonenko, S. (2017) Intentionality: an American point of view. *HORIZON. Phenomenological research*. Vol. 6. No. 1. P. 9-44.
- Popov, E.A. (2022) The experience of intentional and event research in modern foreign sociology of art. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Politics*. No. 69. P. 126-141. DOI: 10.17223/1998863X/69/14
- Sharikov, D. (2022) Naturalization of culture: cognitivism versus pragmatism. *Sociological Review*. Vol. 21. No. 1. P. 153-177. DOI: 10.17323/1728-192x-2022-1-153-179
- Dunlop, F. (1981) Absolute Statements: An Ontic Study On The Nature Of Religion, by Kurt Stavenhagen. *Journal of the British Society for Phenomenology*. No. 12 (1). P. 98-100.

Oevermann, U., Allert, T., Konau, E., Krambeck, J. (1987) Structures of Meaning and Objective Hermeneutics. In: *Modern German Sociology*. Ed. V. Meja, D. Misgeld. New York: Columbia University Press. 313 p.

Păstrăguș, M. (1991) Aesthetic concepts of a Phenomenological Origin. In: *Analecta Husserliana*. Ed. A.-T. Tymieniecka (ANHU, vol. 37). Kluwer: Academic Publishers. P. 147-165.

Pearce, W.B., Cronen, V.E. (1980) *Communication, Action and Meaning: The Creation of Social Realities*. New York: Praeger Publ. 222 p.

Stavenhagen, K. (1979) *Absolute opinions. An ontological inquiry into the nature of religion*. New York: Garland Publ. 224 p.

Статья поступила 22.12.2023
Принята к публикации 28.03.2024